

Владимир Зинченко

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ
К ОРГАНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Vladimir Zinchenko

FROM CLASSICAL TO ORGANIC PSYCHOLOGY

Москва - Moscow 1996

Владимир Петрович Зинченко „От классической к органической психологии" (к 100-летию Л.С.Выготского).

Брошюра подготовлена к Международной конференции культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образования. Автор рассматривает теорию Л.С.Выготского как одно из ярких проявлений серебряного века Российской культуры, прослеживает невидимые связи теории с идеями. Вяч.И.Иванова, П.А.Флоренского, Н.О.Лосского, Г.Г.Шпета, М.М.Бахтина, Н.А.Бернштейна, А.А.Ухтомского, показывает генетическую связь психологической теории деятельности с культурно-исторической психологией. Неклассичность и ограниченность культурно-исторической психологии усматривается в объективности порождаемых человеком аффективно-смысловых образований и участии продуктов творчества в создании духовной атмосферы.

©В.П.Зинченко, автор.

© Н.Ю.Спомиор, перевод.

© Дж.Вёрч, К.Н.Поливанова, редакция перевода.

©Международный Образовательный и Психологический Колледж, подготовка текста к печати, издание, 1996.

Не так уж много событий, происходивших!? науке XX века, будут волновать ученых в веке XXI. К числу таких событий с минимальным риском ошибиться можно отнести теории Л.С.Выготского, Н.А.Бернштейна и Ж.Пиаже, столетие которых в этом году отмечает психологический мир. Настоящая статья посвящена первому из них.

Когда Выготский формулировал тезис о зоне ближайшего развития, то едва ли предполагал (хотя, кто знает?), что его собственные представления о развитии выйдут далеко за пределы "зоны", о которой он размышлял и в которой ему выпало жить... Для психологической науки представления Выготского о развитии — это не прошлое, а все еще недостаточно понятное и освоенное настоящее. Говоря словами Выготского, — это для психологии "актуальное будущее поле".

Моя внутренняя задача, которая занимает меня последние годы, состоит в продолжении работы по пониманию идей Выготского. Я иду вслед за моими учителями П.Я.Гальпериным, А.В.Запорожцем, П.И.Зинченко, А.Н.Леонтьевым, А.Р.Лурия, Д.Б.Элькониным — учениками, соратниками, последователями Выготского, которые как бы далеко от него не уходили, все равно возвращались к нему. Естественно, что ответственность за свое понимание несу я сам, а не они.

Д.Б.Эльконин первый обратил внимание на то, что Выготский создал основы совершенно новой неклассической психологии. Он усматривал ее истоки в "Психологии искусства" Выготского. Именно эта идея Эльконина заставила меня задуматься о том, как одним словом выразить "неклассичность" (которая сама по себе давно перестала быть комплиментом) культурно-исторической психологии Выготского. Речь идет не о переименовании этого привычного и устоявшегося названия. С языком не поспоришь, да у меня и нет такой претензии. Но поиск нового названия может оказаться эвристически полезным для понимания культурно-исторической психологии в целом и для выделения того специфического ядра, которое отличает это направление от классической психологии. Не знаю, насколько удачно (об этом судить читателю) я выбрал название "органическая психология". Возможно, кого-то из читателей оно привлечет, кого-то отпугнет своей нестрогостью, даже нелогичностью. Классическому должно противостоять неклассическое, органическому — неорганическое. Но

¹Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, (грант № 96-06 80262), Международного фонда фундаментальных исследований и Российской академии образования.

у меня язык не повернулся назвать классическую психологию неорганической. Своя прелесть и своя органика в ней, конечно, имеются.

Культурно-историческая психология действительно органична культуре и цивилизации, культурной антропологии, образованию, психологии искусства и искусству, психологии развития, детской и возрастной психологии, психологической педагогике, физиологии активности (психологической физиологии), нейропсихологии, психолингвистике и нейролингвистике, психоанализу, патопсихологии, психотерапии, дефектологии, социальной психологии, инженерной психологии и эргономике и т. д. Даже самонадеянная на первых порах когнитивная психология в последние годы обращается к трудам Выготского и Пиаже. Пожалуй, лишь гуманистическая психология продолжает не замечать культурно-историческую, хотя проблематика свободного действия, о которой речь впереди, непосредственно связана с проблематикой личностного роста человека. Во всех перечисленных и неперечисленных областях психологии и смежных наук используются достижения Выготского, что само по себе беспрецедентно. Не лишен смысла вопрос о том, органично ли вписывается культурно-историческая психология в эти направления или, наоборот, многие из них органично вписываются в имеющую семидесятилетний стаж культурно-историческую психологию? Последняя сегодня начинает занимать место классической общей психологии, хотя несомненно таковой не является, на что обратил внимание проницательный Д.Б.Эльконин.

Это внешнее оправдание введения понятия органическая психология.¹ Его внутреннее и содержательное оправдание представляет проблему и для меня. Ее обсуждению посвящена настоящая статья.

Новизна неклассической психологии, согласно Эльконину, состоит в том, что первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют „объективно" вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства или в каких-либо других материальных творениях людей. Он подчеркивал, что эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования ([44; 477-478], см. также Б.Д.Эльконин [41]).

Л.С.Выготский, Д.Б.Эльконин, Б.Д.Эльконин называют эти объективные аффективно-смысловые образования, существующие до и вне развивающегося индивида, идеальной формой, которая усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития, т.е. становится реальной формой психики и сознания индивида. В первом приближении процесс развития в культурно-исторической психологии можно охарактеризовать как драму, разыгрывающуюся по поводу соотношения реальной и идеальной форм, их трансформации и взаимопереходов одной в другую. Актером, а, порой, и драматургом является субъект развития. Сцена — его жизнь в мире, или мир его жизни. Идеальную форму можно определить как культуру, которую субъект застает при своем рождении. Он либо входит в нее (или она входит в него), либо остается вне ее. Не буду говорить о вандализме, т. е. о прямом разрушении культуры, примеров

которого в истории человечества слишком много (большевики вовсе не пионеры в этом деле — только нельзя забывать, что руководил ими, по словам И.Бунина, "планетарный злодей"). Культура весьма чувствительна и неучастие в ней даже отдельного индивида тоже есть форма ее разрушения.

Культура — это не просто среда, растящая и питающая личность. Здесь нет автоматизма. Культура — это и не движущая сила, не детерминанта развития. Здесь нет (во всяком случае не должно быть) насилия, нередко встречающегося, например, в образовании. Иначе это не культура, а культ насилия. Иное дело, что культура, как заметил М.К.Мамардашвили, это усилие человека быть человеком. Если воспользоваться образом О.Мандельштама, культура это приглашающая сила, не столько оболочка, сколько вызов, а субъект для нее есть вероятность, желаемость и ожидаемость. Она захватывает человека, но может и оттолкнуть.

Субъект волен принять или отвергнуть приглашение, вызов. Вызов состоит в том, что между идеальной и реальной формами есть разность потенциалов. Если субъект принимает вызов, то может случиться акт, событие развития. Этим актом субъект овладевает идеальной формой, присваивает ее себе или превосходит ее. Она становится его собственной субъективной реальной формой. Последняя, в свою очередь, может и должна быть способной к порождению новых форм (в пределе — памятников человеческого духа), которые входят в "тело" идеальной формы. Иначе прекратится развитие культуры.

Пока остановимся на этом. Объективация аффективно-смысловых образований в "теле" идеальной формы — это, конечно, новый ход по сравнению с классической психологией, для которой объективность эквивалентна материальности. Однако при всей "неклассичности" этого хода не очевидно, что с его помощью устраняется вполне классическая для психологии (и философии) проблема превращения объективного (пусть трижды идеального) в субъективное (пусть трижды реальное). Едва ли следует специально аргументировать, что эта проблема не имеет (и, видимо, не может иметь) решения "классическими" средствами [22], [31]. Значит, признавая тезис

Д.Б.Эльконина о неклассичности психологии Выготского, следует продолжить начатую им работу понимания. Она должна состоять в снятии противопоставления объективного и субъективного не только в гносеологии, но и в онтологии человеческой жизни. Попробуем пойти по этому пути.

Первый ход должен состоять в том, чтобы понять насколько объективна идеальная форма существования аффективно-смысловых образований. Утрачивает ли она, будучи порождением — творением индивида, свою субъективную природу? Обратимся вслед за Выготским к искусству и приведем высказывание его современника В.В.Кандинского: "Истинное произведение возникает таинственным, загадочным, мистическим образом "из художника". Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь; оно становится существом.

Итак, оно не есть безразлично и случайно возникшее явление, пребывающее безразлично в духовной жизни: оно, как каждое существо, обладает дальнейшими созидательными активными силами. Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы" [28; 99].

Для такого участия в жизни произведения искусства должны обладать энергичностью, в наличии которой не сомневался Вяч.И.Иванов: "Энергия, имя которой — Искусство, является нам или собранной и кристаллизованной в устойчивых и готовых формах своей объективации, которые мы эстетически воспринимаем, как бы расплавляя и сызнова воссоздавая их в нашем сознании, — или же текучей и развивающейся перед нами и впервые объективирующейся в нашем восприятии. Полнос статике в искусстве представлен зодчеством, динамики — музыкой" [27, т.П; 92]. Далее Иванов замечает, что есть статика в музыке и в пластике динамика. Трудно удержаться, чтобы не привести потрясающего описания — свидетельства Иванова о живости произведения искусства: "Сикстинская Мадонна идет. Складки ее одежд выдают ритм ее шагов. Мы сопутствуем ей в облаках. Сфера, ее окружающая, — скопление действующих жизней: весь воздух переполнен ангельскими обличьями. Все живет и несет ее; пред нами гармония небесных сил, и в ней, как движущаяся мелодия, — она сама; а на руках ее — Младенец, с устремленным в мир взором, исполненным воли и гениальной решимости, — Младенец, которого она сама отдает миру, или, скорее, который сам влечет в мир ее, свою плоть, и с нею стремится за собой всю сферу, где она блуждает" (там же). Можно не сомневаться в том, что автор "Психологии искусства" это не только знал, но и чувствовал. Подобными идеями был пропитан воздух серебряного века российской культуры.

Полезно попытаться отнестись к словам Кандинского и Иванова не как к художественным метафорам, а как к реальности, вспомнив свой опыт восприятия и общения с искусством. После этого спустимся с высот искусства на землю и прислушаемся к языку. Утварь (не путать с ширпотребом) это ведь тоже живое, тварное, поскольку в нее вложены труд и душа ее творца-создателя. П.А.Флоренский, развивая идеи органопроекции, показывал на множестве примеров, что орудия труда созданы по образу и подобию человека, его телесного и духовного организма. Их "живость" усиливается тем, что человек называет их живым словом, дает им имя.²

Другими словами, орудия имеют не только назначение, но и значение. Выготский в работе "Орудие и знак" отошел от резкого противопоставления орудия и знака, что было характерно для первых этапов развития его взглядов. Он специально обращал внимание на „ внутреннее сплетение знака и орудия", которое находит материальное символическое выражение в самом начале, развития человеческого труда [3, т.6; 84]. Психологический анализ знаково-символических и собственно орудийных функций первобытной палки для копания, приводимый Выготским, весьма поучителен сегодня для понимания (и проектирования) деятельности человека с компьютерной техникой.

Значит аффективно-смысловые, равно как и знаково-символические образования, идеальная форма, взятые на полюсе культуры в связке "культура — индивид", столь же объективны, сколь и субъективны (субъектны, личностны) не только по своему происхождению, но и по способу своего существования и действия, а не только воздействия. Они полноправные участники духовного и материального производства, питают его идеями и энергией. Конечно, для того чтобы понять и принять это, нужно иначе посмотреть на то, что такое живое, жизнь и отказаться от столь же бесспорного, сколь и бессмысленного определения жизни как "способа существования белковых тел". В советской науке странным образом не замечалась удивительно точная характеристика (не определение) жизни, данная современником Выготского А.А.Ухтомским, который, как и Н.А.Бернштейн, развивал неклассическую физиологию — физиологию активности, нередко называемую психологической физиологией: "Жизнь — асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении. Энергический химический агент ставит живое существо перед дилеммой: если задержаться на накоплении этого вещества, то — смерть, а если тотчас использовать его активно, то — вовлечение энергии в круговорот жизни, строительство, синтез, сама жизнь" [36; 235].

Чтобы убедиться в емкости этой характеристики, можно заменить в ней "химический агент" на информацию или — лучше — на знания, опыт, а живое вещество на живое существо. Тогда мы получим характеристику жизни как асимметрию (а не гомеостаз), с постоянным колебанием на острие меча между мыслью и действием, сознанием и деятельностью, опытом и его использованием, аффектом и интеллектом и т.д. На этом же острие меча странным сюрреалистическим образом пока еще балансируют два других — меч железный и меч духовный. Опыт показывает, что выковать последний значительно труднее... Произведения искусства (не все!) также объемлются этим определением. В них есть энергия, устремление, постоянное движение, строительство, синтез, сама жизнь. Есть и асимметрия между динамикой и статикой, между вечным и временным, между добром и злом, между жизнью и смертью... Приходится констатировать, что в деле превращения неживой материи в живую искусство и культура намного (если не навсегда) опередили науку, которая все еще пытается синтезировать живое вещество.

Обратимся к полюсу индивида. Столь ли уж субъективны аффективно-смысловые образования на этом полюсе? Ухтомский говорил, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное. Это не случайная фраза, так как его волновала анатомия и физиология человеческого Духа. Например, он писал, что "с самого начала формирующийся образ предмета есть некоторый проект реальности, и именно эвристический проект реальности, подвергающийся затем многократной проверке и пристраиванию на основании практического слияния с реальностью" [36; 274]. Приглашаю читателя вникнуть, в то как Выготский объясняет возникновение эвристического проекта реальности: "Именно включение символических

операций делает возможным возникновение совершенно нового по составу психологического поля, не опирающегося на наличное в настоящем, но набрасывающего эскиз будущего и таким образом создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации" [3, т.6;50]. Примерно в те же годы М.М.Бахтин характеризовал мир действия как мир внутреннего предвосхищенного будущего.

Напомню, что лишь несколько десятилетий спустя, в психологии и физиологии появились понятия "образа предвидимого будущего", "акцептора результатов действия", "оперативного образа", "образа-манипулятора", "сенсорного эталона", "перцептивной модели", "образно-концептуальной модели", "перцептивной гипотезы", близкие по смыслу к понятиям "эвристический проект реальности", "эскиз будущего". Для того чтобы проект мог быть реализован или перцептивная гипотеза могла быть верифицирована, образ должен быть объектирован, то есть находится там, где находится реальность, оригинал.

А.А.Ухтомский объективировал субъективное, психическое в "теле" функциональных органов индивида, которые столь же реальны, как морфологически сложившиеся образования. Он определял функциональный орган как "всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение" [36;95], или как распределение активностей в пространстве и времени (хронотоп). Он уподоблял его динамическому подвижному деятелю. Ухтомский к числу функциональных органов относил не только парабриоз, доминанту, но и психологическое воспоминание, желание, интегральный образ мира. Он подчеркивал, что это новообразования, возникающие во взаимодействии со средой, в активности индивида, который сам деятельно идет навстречу среде. В соответствии с определением органа образ должен обладать силами? Это кажется странным, непривычным. Действительно, о каких силах может идти речь, когда образ — это отражение объективного мира? О правдоподобности подобных банальностей стоит задуматься и вспомнить давние представления об "эйдетической энергии", т.е. об энергии образа, развивавшиеся, например, А.Ф.Лосевым. Подобное пояснение излишне по отношению к другим видам функциональных органов: живое движение (Н.А.Бернштейн), аффект (А.В.Запорожец;), энергетика которых очевидна.

Понятие функциональных органов.— новообразований индивида затем широко использовали и развивали Н.А.Бернштейн, А.В.Запорожец, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия. Они наделяли их телесными свойствами и качествами, например, биодинамической, чувственной, аффективной тканью, исследовали их развитие, инволюцию, реактивность, чувствительность и т.п. Функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого в конце концов конституируется духовный организм. Они действительно могут рассматриваться как анатомия и физиология духа. Более того, система разнообразных связей внутри органа и между органами представляет собой кровеносную систему, которая может закупориваться (склеротизироваться),

вызывать ступор, шок [5]. Замечу, что понятие "органическая психология" может рассматриваться и как производное от понятия "функциональный орган". Это еще один, правда, тоже внешний аргумент, подчеркивающий органичность культурно-исторической психологии. Аналогом понятия "функциональный орган" в теории Выготского является понятие "психологическая функциональная система".⁴

Вернемся к идеальной и реальной формам. Приведенные выше размышления дают основания для того, чтобы не проводить границу между ними по линии объективное — субъективное, внешнее — внутреннее, тело — душа. Обе формы объективны и субъективны, хотя, видимо, в разной степени, что дает возможность корректно ставить вопрос о переходе одной формы в другую, об органичности их взаимодействия. В этом Д.Б.Эльконин видел неклассичность подхода Выготского, которому удалось таким образом обойти, снять, преодолеть не имеющую решения психофизическую проблему. Идеальная и реальная формы — это живые формы. Наличие у них общих свойств делает их потенциально и актуально совместимыми. Поэтому, если "неклассичность" подхода Выготского характеризовать не отрицанием, а позитивным термином, то для этого ближе всего подходит выбранный мною термин "органическая психология". Замечу, что А.Р.Лурия называл иногда психологию Выготского романтической. Достоин удивления и восхищения, что органическая психология создавалась в неорганичной для развития науки среде. А.М.Пятигорский характеризовал время, в которое жил Выготский, как не сезон для мысли, но мысли рождались, в том числе и не сезонные.

При всей совместимости реальной и идеальной форм переход одной в другую не может совершаться автоматически. Проблема перехода остается. И на первых порах она разрешалась в парадигме классической психологии, в понятиях внешнего — внутреннего, объективного — субъективного, души — тела, интериоризации — экстериоризации и т.п., о чем я подробнее буду говорить далее.

* * *

Следующий шаг состоит в том, чтобы понять, как в культурно-исторической психологии оказывается возможным переход от идеальной формы к реальной. Идеальная форма имеет своих вполне реальных носителей, выступающих посредниками-медиаторами развития реальной формы. Выготский в качестве таковых рассматривал роль трех медиаторов: взрослый (в паре интериндивидуальной деятельности), знак и слово. За рамками его анализа остались символ и миф, роль которых в развитии отмечалась А.Ф.Лосевым. Тем не менее, Выготский достаточно часто говорил о знаково-символической и символической деятельности. К этому ряду медиаторов может быть добавлен и смысл, который в логике Г.Г.Шпета укоренен в бытии, а в логике Л.Витгенштейна смысл существует как бы сам по себе и может быть отождествлен с неким возможным фактом. Другими словами, смысл может рассматриваться как нечто объективное наряду со знаком, символом и т.д. Впрочем, этот ряд медиаторов должен быть открыт. Полифонии

медиаторов отвечает полифония сознания. На одном знаке или знаковом действии полифоническое сознание не построить. Только рефлекторное.

Когда субъект в ходе развития символической деятельности овладевает медиаторами, его реальная (но Выготскому — прежде натуральная) форма становится идеальной, как минимум, идеализированной, культурной.

В опосредствовании состоит пафос культурно-исторической психологии. В посредническом акте, который сейчас интенсивно изучает Б.Д.Эльконин с сотрудниками, заключена тайна развития, тайна превращения реальной формы в идеальную и идеальной формы в реальную. Включение в натуральные формы психических функций (сохраним пока это многократно критиковавшееся понятие Выготского) предмета, орудия, знака трансформирует эти формы в идеальные, культурные. Последние приобретают вид предметных, орудийных, знаковых, вербальных, символических — в широком смысле инструментальных психических операций, действий, деятельности.

Что означает трансформация? Это строительство, формирование функциональных органов-новообразований. Оно осуществляется с помощью медиаторов, посредников, средств, которые Выготский называл "психологическими орудиями", или "психологическими инструментами". Остановимся на них подробнее. Выготский различал (возможно, нарочито категорично) материальное и психологическое орудие: "Существеннейшим отличием знака от орудия... является различная направленность того или другого. Орудие служит проводником воздействий человека на объект его деятельности, оно направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы. Знак ничего не изменяет в объекте психологической операции, он есть средство психологического воздействия на поведение — чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь. Обе деятельности столь различны, что и природа применяемых средств не может быть одной и той же в обоих случаях [3, т.3, 90]. Сказанное относится не только к знаку, но и к символу, к слову, о чем также писал Выготский: "Слово, направленное на разрешение проблемы, относится не только к объектам, принадлежащим внешнему миру, но также и к собственному поведению ребенка, его действиям и намерениям. С помощью речи ребенок впервые оказывается способным обратиться на самого себя, как бы со стороны рассматривая себя как некоторый объект" (Цит. по [36; 14]). Вот здесь-то и выступает замечательная особенность психологических орудий, будь то знак, слово, символ. Они выступают не только в роли стимулов, способных вызвать те или иные ответы, реакции, поведенческие акты. Они вызывают к жизни внутренние формы деятельности, делающие, помимо всего прочего, непредсказуемым внешнее поведение. Обращение на самого себя, взгляд на себя со стороны — это начало способности или сама способность заглядывания внутрь "самого себя, начало формирования образа себя и

вынесения его в целом или отдельных свойство вовне. Это объективация самого себя.

Хотя сказанного уже "достаточно, но это еще не все. В этом тайна и первое условие формирования себя, условие самостроительства человека, культурного формирования личности.

Б.Д.Эльконин приводит слова Выготского о том, что направленность знака извне внутрь, во-первых, и связанная с этим реконструкция, объективация, экстериоризация внутреннего, во-вторых, является центром "работы" знака: "Если вдуматься глубоко в этот факт, что человек в узелке завязанном на память, в сущности контролирует извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напомнить ему, то есть напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность, если вдуматься в сущность того, что здесь происходит, то один этот факт может раскрыть перед нами все глубокое своеобразие высших форм поведения. В одном случае нечто запоминается, в другом — человек запоминает нечто" (там же; 14-15). Действие знака простирается еще более глубоко: "Когда вы изучаете опосредованное запоминание, т.е. то, как человек запоминает, опираясь на известные знаки или приемы, то вы видите, что меняется место памяти в системе психических функций. То, что при непосредственном запоминании берется непосредственно памятью, то при опосредованном запоминании берется с помощью ряда психических операций, которые могут не иметь ничего общего с памятью; происходит, следовательно, как бы замещение одних психических функций другими" [3, т.2; 392]. Таких примеров множество и в ранней работе А.Н.Леонтьева о развитии памяти, и в работах П.И.Зинченко, посвященных динамике произвольного и произвольного запоминания [26].

Что же это за мистические свойства знака, слова, других медиаторов, которые не просто воспринимаются, усваиваются, запоминаются, но и пробуждают дремлющие или содействуют формированию новых психических операций, перестраивают их самих и взаимоотношения между ними?

Попробуем ответить на этот вопрос, хотя это и не легко. Причина не в недостатке, а в избытке материала. Обратимся вновь к памяти и посмотрим, как в 1939 г. П.И.Зинченко интерпретировал положение об ее опосредованноеTM: "Основным в развитии человеческой памяти с этой точки зрения является овладение употреблением средств — знаков запоминания. Но знак — средство с внутренней, конкретно-психологической стороны — есть значение. Значение же есть не что иное, как обобщение действительности. Это значение — обобщение развивается как со стороны характера тех связей и отношений, которые обобщаются в знаке (в основном в слове, как знаке), так и со стороны изменения структуры, строения этого обобщения, т.е. со стороны характера интеллектуальных операций. Овладение знаком — средством и связано с развитием его внутренней стороны, с развитием обобщения. Таким образом, развитие памяти прежде

всего определяется развитием мышления, ибо развитие всякого значения — обобщения предполагает развитие мышления.

В этих основных положениях... запоминание впервые в психологии начинает рассматриваться не как содержание сознания, замкнутого в субъекте, являющееся его феноменальным субъективным миром, и не как абстрактная метафизическая способность. Запоминание впервые выступает здесь как активный процесс, как конкретное психическое действие. В связи с этим впервые становится возможным и реальное исследование развития памяти как процесса, исследование строения процессов запоминания на разных этапах их развития" [25;153].

Обращу внимание на слово "впервые", трижды употребленное в этом отрывке. Согласно Зинченко, — теория опосредствования впервые позволила исследовать память как психическое действие, а развитие памяти как процесс. Здесь отчетливо выступает генетическая, органическая связь между культурно-исторической психологией и еще только зарождающейся психологической теорией деятельности. Последняя в качестве своей онтологии взяла опосредствованное, т.е. культурное действие, отказавшись от изучения натуральных психологических функции - главного предмета исследования классической психологии, думаю, что приведенная выписка из работы Зинченко, написанной между 1936-1937 г.г., — это бесспорное свидетельство и аргумент против повторяющихся время от времени попыток оторвать одно психологическое направление от другого, противопоставить их. В более поздней работе Зинченко приводит по этому поводу весьма категорическое высказывание самого Выготского, относящееся к 1926г.: "...память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении, с этой точки зрения память и в момент закрепления реакции и в момент ее воспроизведения представляет собой деятельность в точном смысле этого слова" [26;1171].⁵

Напомню, что Зинченко — ученик А. Н. Тлеонтьева — был одним из активных участников "леонтьевского деятельностного похода" на психологию. Справедливости ради нужно сказать, что это одновременно был "поход" и на культурно-историческую психологию. Зинченко несомненно с благословения (или при попустительстве?) своего учителя писал следующее об ошибочности культурно-исторической психологии в целом: "Неправильно решен основной вопрос о понимании природы психического. Специфическим и самым существенным для характеристики человеческой психики было признано овладение психикой натуральной, естественной, биологической через использование вспомогательных психологических средств. В этом положении заключена основная ошибка учения Выготского. Марксистское понимание исторической, социальной обусловленности развития человеческой психики было извращено и понято идеалистически. Общественно-историческая обусловленность психики человека была сведена к воздействию на субъекта человеческой культуры. Развитие психики, таким образом, рассматривалось не как определяемое развитием реальных отношений субъекта к действительности, а как ограниченное общением

сознания субъекта с культурной, идеальной действительностью" (там же). Проще всего по поводу этой критики сказать, что она огульна и несправедлива, приведя при этом "ответ" Выготского, написанный до критики: "За всеми высшими функциями, их отношениями стоят социальные отношения, реальные отношения людей" [3, т.3; 145]. Но все дело в том, что этот ответ был впервые опубликован спустя четверть века после написания статьи Зинченко.

Для того времени его критика была еще мягкой в сравнении с разнузданной критикой, статьями-доносами в адрес Выготского, появлявшимися еще при его жизни. Следует учитывать, что ко времени написания и публикации статьи Зинченко труды Выготского были уже запрещены, не говоря уже о том, что при его жизни была опубликована лишь их малая часть. До выхода собрания сочинений Выготского в шести томах (и все еще неполного) посчастливилось дожить только П.Я.Гальперину и Д.Б.Эльконину. А.В.Запорожцу и А.Р.Лурия, усилиями которых оно было издано, не довелось его увидеть.

Возвращаясь к статье Зинченко, легче всего предположить, что после приведенного выше панегирика в адрес Выготского эта критика носила "дежурный", принудительный характер. Они ведь уживаются на одной странице. Однако не будем упрощать дело, тем более, что последующие критики Выготского ссылаются лишь на критический пассаж Зинченко и не замечают главного. Конечно, с нашей сегодняшней точки зрения в этом пассаже основное достоинство культурно-исторической психологии превращено в ее недостаток. Но следует обратить внимание на то, что здесь наметилась смена, если и не предмета исследования, то его акцентов. Не внутренняя сторона психологического орудия — значение, а опосредованное психическое действие. Напомню, что в 30-ые годы участники Харьковской группы (название школа появилось много позже) приступили к изучению разных форм "психических действий": простейшие орудийные действия у ребенка (П.Я.Гальперин), сенсорные действия (А.В.Запорожец), мнемические действия (П.И.Зинченко), интеллектуальные действия (А.В.Запорожец). Начал складываться действительно деятельностьный подход к психике, а затем и психологическая теория деятельности. Значение, которое для Выготского было исходной единицей анализа психики, отступило на второй — третий план [11]. Значение слишком тесно связано с культурой, с идеальной деятельностью, с сознанием. Последнее вышло из моды, оно стало отражением советского быта.

В нашей историко-психологической литературе до сих пор странным образом уживаются адресованные Выготскому упреки в идеализме и адресованные Леонтьеву упреки в отходе от Выготского, т.е. от идеализма(!) Методологически корректно столкновение культурно-исторически и деятельностью ориентированных психологических концепций осмысливалось Г.П.Щедровицким [40], что представляет особый сюжет для историков психологии.

Вообще, по поводу критики в адрес Выготского следует сказать, что практически вся критика, опубликованная до 1984 г., т.е. до выхода в свет его собрания сочинений представляет собой с исторической точки зрения недоразумение. Ее авторы просто не могли знать большого числа фундаментальных работ Выготского, среди которых "Исторический смысл психологического кризиса", "Орудие и знак в развитии ребенка", "Учение об эмоциях" и многие другие. Это, конечно, не вина критиков, если они с упорством, достойным лучшего

применения, не настаивают на ней и монотонно не воспроизводят ее. Такая критика с культурной точки зрения — это больше, чем недоразумение...

Последуем за Выготским и попробуем понять, что же такое внутренняя сторона слова, знака. В дальнейшем я буду говорить не о внутренней стороне, а об их внутренней форме. Итак, психологические орудия имеют внешнюю и внутреннюю форму. Внешняя чаще всего чрезвычайно проста, но тем не менее она совершенно непонятна, если неизвестна внутренняя форма. Понятие "внутренняя форма" не должно вводить в заблуждение. Она ведь невидима, как другая сторона Луны. Этот образ использовал Выготский, говоря о той стороне слова, которая осталась неведомой землей для экспериментальной психологии. Сам Выготский не пользовался понятием внутренней формы слова, введенным еще В.фон Гумбольдтом. Причина этого неясна, так как Выготский не мог не знать книги Г.Г.Шпета "Внутренняя форма слова" (1927). Возможно, Выготский хотел избежать путаницы между понятиями "внутренняя форма слова" и "внутренняя речь". Последняя, как известно, была предметом его специального исследования. Так или иначе, но из исследований Выготского и особенно — Шпета следует, что внутренняя форма этого психологического орудия необычайно богата прежде всего в сравнении с директивным знаком. Внутренняя форма последнего достаточно проста и не допускает альтернативного толкования. "Знак есть такой способ использования предмета, что само предметное содержание, указуемое знаком, полностью исчерпывается актом использования знака", писал М.К.Мамардашвили [32; 373]. По сравнению со знаком и даже со словом символ вообще допускает множество интерпретаций. Его внешняя, видимая форма может быть крайне элементарной, а внутренняя — бесконечной. Проблема состоит в том, чтобы открыть, увидеть внутреннюю форму, проникнув за внешнюю оболочку символа, научиться ориентироваться во внутренней форме. Здесь не должно быть иллюзий. Ориентация в бездонных глубинах скрытого за символом смысла — дело чрезвычайно трудное. Приведу до боли знакомый пример столкновения двух хорошо известных символов, порождающих неожиданные смыслы: "Ведь в сорок пятом томе Ленина засушен аленький цветок" (Прошу прощения у автора, имя которого я забыл, но строчку эту забыть нельзя). По словам Мамардашвили, невидимая вторая половина символа, в отличие от вещественной, видимой всем, прорастает в какие-то глубины сознательной жизни. Об этом же говорил П.А.Флоренский: "Вживаясь в символ, мы находим себя самих, а стараясь проникнуть в себя — открываем тут символы" [39;174]. Часто такое

проращение символа или вживание в него происходит помимо воли и желания субъекта, и не он овладевает символом, а символ захватывает его и овладевает им. В последнем случае не символ-орудие человека, а человек становится орудием символа, становится "человекоорудием" (термин Даниила Андреева).⁶ Но если такое проращение не происходит, человек, по словам Ф.Ницше, оказывается полым. Аналогичные метаморфозы происходят и с языком. И.Бродский настойчиво повторял, что не язык — орудие поэта, а поэт — орудие, "средство существования" языка. Открытие внутренней формы медиаторов, точнее, бесконечное число открытий начинается в совместной деятельности ребенка со взрослым и продолжается самостоятельно всю жизнь. К исследованиям работы психологических орудий-медиаторов психология только прикоснулась во время жизни Выготского. Он сам предупреждал против упрощенного понимания связи между знаком и значением: "Отнести овладение связью между знаком и значением к самому началу культурного развития ребенка — значит игнорировать сложнейшую, растянутую более чем на целое десятилетие историю-внутреннего построения этой связи" [3, т.6; 15]. После слишком длительного перерыва эти исследования возобновил Б.Д.Эльконин [42].

Из того немногого, что сказано о психологических орудиях, вытекает, что они сродни, совместимы, внутренне органичны как идеальной форме, так и реальной форме. В них также имеются объективная и субъективная составляющие. Они могут выполнять посредническую функцию между реальной и идеальной формами, так как обнаруживают глубинное сходство с последними. Психологические орудия, средства, инструменты нередко уподобляются органам человека, или органам человеческой деятельности. Поскольку они представляют собой искусственные средства деятельности их нередко называют артефактами [2]. Также называют и функциональные органы, что иногда создает трудности для понимания. Но это лишний раз подчеркивает потенциальную совместимость и возможность слияния, соединения (единства), установления органической связи между психологическими орудиями и идеальной формой с одной стороны, и реальной формой — с другой. Психологические орудия: слово, знак, символ — это живые (в пределе — животворящие), деятельные формы. Они, как и все живое, смертны. Есть мертвые символы, мертвые слова, даже мертвые языки.

Приведенный выше анализ идеальной, реальной и медиативной форм позволяет сделать еще одно заключение. При всей своей целостности это гетерогенные формы. Такой ход мысли вполне соответствует идеям Выготского о свойствах единиц анализа психики. Последние представляют собой живые, целостные и гетерогенные образования [11], [24].

Распространенное сейчас описание работы с психологическими орудиями в терминах их усвоения, присвоения, интериоризации сильно упрощает дело. Да и так называемую внутреннюю деятельность трудно свести к оперированию и манипулированию интериоризированными внешними средствами. Об этом разговор впереди. Чтобы показать действительную

сложность овладения психологическими орудиями и их роль в формировании, развитии психологических операций, психических действий, функциональных органов-новообразований, обратимся к "элементарным" примерам. Для понимания происходящего при овладении поведением, посмотрим, как происходит усвоение движения.

Н.А.Бернштейн писал, что обучающийся движению устанавливает, "как будут выглядеть (снаружи) те движения, из которых складывается изучаемый им навык" [1:172]. А.В.Запорожец впоследствии заметил, что движение может рассматриваться как внешний объект и даже как внешний субъект. Этот интересный ход мысли можно обозначить как объективацию или даже персонификацию движения. Нужно понять, как объективация достигается индивидом. Бернштейн выделяет фазу обучения, на которой обучающийся "доходит до того, как должны «ощущаться изнутри, и сами эти движения, и управляющие ими сенсорные коррекции" [там же]. Он, далее пишет что эти секреты нельзя растолковать никаким показом. Тем более нельзя их. изобразить знаками или описать словами.

Но что означает "ощущение изнутри"? Ответ на этот вопрос дан в исследовании М.И.Лисиной, выполненном по замыслу и под руководством А.В.Запорожца. Замысел состоял в том, чтобы показать, что "ощущаемость афферентных импульсов от собственных реакций играет важную роль в превращении последних из произвольных в произвольные" [10:80]. Это положение было доказано в экспериментах с вегетативными функциями, когда испытуемые научились ощущать свои сосудистые реакции и управлять ими. Экспериментальный прием, использованный Лисиной, состоял в том, что она обеспечила испытуемым дополнительную сигнализацию об их сосудистых реакциях, в том числе и визуальное наблюдение за своей ялетисмограммой. Плетисмограмма в этом исследовании выполняла знаковые функции психологического орудия. Испытуемые ее видели, но для управления сосудистыми реакциями этого было мало. Нужно было научиться их ощущать, объективировать и соотносить с плетисмограммой. На основе полученных результатов Запорожец сделал вывод о том, что "ощущаемость движений является не только обязательным спутником их произвольности, но и необходимой их предпосылкой. Прежде чем превратиться в произвольно управляемое движение должно стать ощущаемым" [там же; с.88]. Это исследование выполнено в русле идей Бернштейна и Выготского, в мировоззрении которых несомненно имелись сходные черты [21]. Выготский писал, что "осознание и овладение идут рука об руку ... Осознать — значит в известной мере овладеть" [3,т.5:251]. В экспериментах Лисиной произошло "ощущение изнутри", осознание и на этом основании овладение неуправляемыми в обычных условиях сосудистыми реакциями. Благодаря знаковой функции психологического орудия, возникла способность "ощущения изнутри", сформировался функциональный орган-новообразование. Более того, движение, видимое снаружи и ощущаемое изнутри — это уже не просто движение, а динамический осмысленный образ. Подобная интерпретация возможна и по отношению к более ранним

экспериментам по формированию способности к цветоощущению и цветоразличению кожей ладони, выполненных А.Н.Леонтьевым, В.И.Асниным, А.В.Запорожцем [29,т.1,143-183], и по отношению к более поздним экспериментам А.Н.Леонтьева, Ю.Б.Гиппенрейтер и О.В.Овчинниковой, посвященным формированию звуковысотного слуха [29,т.П;26-30]. Примечательно, что в случае цветоразличения испытуемые объективировали свои ощущения в адекватной для осязания форме. Они описывали их как дуновение ветерка, прикосновение пера птицы и т.п.

Эти, казалось бы, экзотические, с точки зрения культурно-исторической теории развития психики исследования, к тому же проведенные на психофизиологическом и психофизическом материале, демонстрируют значение механизма опосредования для формирования функциональных органов-новообразований. Эти же эксперименты свидетельствуют и о том, что сами вспомогательные средства, или психологические орудия никуда не возвращаются. Они действительно выполняют роль средств, помогающих объективации, экстериоризации тех или иных субъективных состояний, аффективно-смысловых образований и т.п. Последние, будучи вынесены вовне и сохраняя свою субъективность, приобретают черты объективности. Однажды сложившись, они могут воспроизводиться в отсутствии вспомогательных средств.⁷ На основании приведенных примеров можно заключить, что сами вспомогательные средства не обладают никакими мистическими свойствами. Их значение открывается субъекту или строится им лишь по мере того как он, в результате осуществления удачных и неудачных действий, наполняет их биодинамической, чувственной, аффективной тканью, своей субъективностью.

Здесь мы сталкиваемся со странной ситуацией. Авторы исследований, выполненных в точном соответствии с концептуальной схемой культурно-исторической психологии, используя "каузально-генетический метод", интерпретировали результаты в понятиях психологической теории деятельности. Можно предположить, что Выготский предпочел бы интерпретировать их так, как это сделано выше, поставив акцент на открытии, формировании значения. Последователи Выготского видели в то время за понятием значения преимущественно логическое содержание. Лишь постепенно они наполняли его психологическим содержанием, идя к этому через понятия операционального и предметного значения. В 60-ые годы Леонтьев, вернувшись к проблемам сознания, придал значению статус одной из важнейших его образующих. Затем В.В.Давыдов, изучая психологические функции значения, пришел к классификации видов обобщения [7].

В контексте настоящего изложения не столь важен способ интерпретации упомянутых результатов. Сейчас очевидно, что они оба равно необходимы и дополняют друг друга. Существенно другое. Запорожец, Лисина, Леонтьев, а затем и многие другие вольно или невольно, осознанно или неосознанно проводили исследования, как будто задуманные Выготским. Они вслед за ним уходили от классических противопоставлений субъективного и объективного, материального и идеального, открывали для психологии новую онтологию.

Не только для психологии. Почти через 20 лет после исследования Запорожца-Лисиной физиологи, а за ними и психологи "открыли" эффекты биологической обратной связи и провели сотни подобных исследований. ;

Многие годы спустя после кончины Выготского М.К.Мамардаш-вили, развивавший философскую проблематику формы превращенной, в поисках иллюстраций для своих размышлений постоянно обращался к психологической реальности, в том числе и к реальности сознания. Он искал адекватные ей наименования и термины: сращения субъективного и объективного, кентаврические образования, артефакты, артеакты, функциональные органы, амплификаторы-уси-лители наших естественных способностей, новообразования и т.п. Все эти искусственные образования он называл "третьими вещами", "понимательными вещами", "интеллигибельной материей". К этому списку можно добавить и известные психологам понятия установок, доминант, предметных рецепторов, органов чувств — теоретиков, акцентуаций и пр.

Продолжающийся поиск наименований психологической реальности представляет собой уход от картезианской дихотомии души и тела, в том числе и уход от натуралистической трактовки внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного), с которой связана столь же натуралистическая трактовка процессов интериоризации и экстериоризации. Попробуем в очередной раз разобраться в них.

* * *

Уж так сложилось, что любой уважающий себя автор, пишущий о Л.С.Выготском, выходит на знакомую психологам задолго до Выготского тропу интериоризации — экстериоризации, которая многим все еще кажется столбовой дорогой психологии развития и обучения. Не могу пройти мимо и я.

Первый процесс — это "вращивание" внешней предметной деятельности и ее средств в деятельность внутреннюю; второй — выход внутренней деятельности наружу, вовне. Мне кажется, что от длительного употребления понятий "интериоризация" и "экстериоризация", стоящая за ними реальность перестала восприниматься как драма и загадка развития. Эти понятия стали схематизмом психологи

ческого сознания, а стоящие за ними процессы уподобились "водопроводной логике", как в задачках 5-го класса "о бассейнах и портвейнах" (столько-то куда-то втекает и сколько-то оттуда вытекает...).

Но главное даже не в этом. Если мы хоть как-то представляем себе предметную деятельность, т.е. "оттуда", то уже совершенно смутно представляем себе, "куда". П.Я.Гальперин говорил, что за интериоризированной операцией — идеальный план, "чистая мысль".

А. Н.Леонтьев говорил, что за ней — грандиозная работа мозга, что, между прочим, входило в противоречие с его же утверждением об экстракортикальности функциональных органов. Как будто за предметной деятельностью со всеми ее действиями и операциями нет идеального плана, замыслов, помыслов, умыслов, "задней мысли", или работа мозга за ней менее грандиозна.

За употреблением понятия "интериоризация" стояла и другая логика: "Только в генезисе, — писал Гальперин, раскрывается подлинное строение психических функций: когда они окончательно сложатся, строение их становится неразличимым, более того, — "уходит в глубь" и прикрывается "явлением" совсем другого вида, строения и природы" [4,26]. Золотые слова! Сказано удивительно точно. Но сказанное не может служить основанием для отрицания возможностей изучения этих "явлений" совсем другого вида, природы и строения. Хотя сказанное может служить и служило самому Гальперину основанием для отказа от исследования "ушедшего вглубь". Помню, когда я высказывал ему свое недоумение по поводу того, что среди его этапов формирования умственных действий отсутствует этап формирования образа, оперирования и манипулирования им, он отвечал мне, чтобы я не толкал его на "дырявый мост" субъективности, в которой трудно разобраться. И это при том, что в своих ранних работах, посвященных формированию чувственных образов и понятий, он писал, что сокращение и автоматизация умственных действий позволяет непосредственно переходить от наличной ситуации к результату такого действия последний выступает перед нами сразу, как одновременно данная система — образ" [3-а;425].

Я меньше всего склонен сомневаться в продуктивности каузально-генетических методов исследования, методов целенаправленного формирования перцептивных, мнемических или умственных действий, "генетико-моделирующих экспериментов", — по терминологии

В. В.Давыдова. Они приносили и будут приносить замечательные результаты. Но их развитие и применение не отрицает, а предполагает исследование строения, функциональной структуры и микроструктуры, функционального генеза, микрогенеза и микродинамики уже "окончательно сложившегося, ставшего неразличимым". Эти "ушедшие вглубь явления" и есть формы превращенные (или извращенные). Они представляют собой вызов любой теории интериоризации, который современная психология уже приняла [5],[9],[34].

В этом деле ориентиром должны стать соображения Выготского о том, что "при вращивании, т.е. при переходе функции внутрь, происходит сложнейшая

трансформация всей ее структуры. Существенными моментами, характеризующими трансформацию, следует считать, как показывает экспериментальный анализ, 1) замещение функций, 2) изменение натуральных функций (элементарных процессов, лежащих в основе высшей функции и входящих в ее состав) и 3) возникновение новых психологических функциональных систем (или системных функций), принимающих на себя то назначение в общей структуре поведения, которое ранее выполнялось частными функциями" [3, т.6;15]. И далее резюме: "В результате всех изменений новая функция памяти (внутренне опосредованный процесс) только по имени совпадает с элементарными процессами запоминания; но внутренней сущности это специфическое новообразование со своими особыми законами" (там же, с.16). В этих отрывках "вращивание" оказывается не более чем метафорической симптоматикой сложнейших процессов, ведущих к возникновению новообразований, новых психологических функциональных систем или функциональных органов, если пользоваться термином А.А.Ухтомского.

Пока не удастся освободиться от натуралистически понимаемого внутреннего, которое сродни столь же натуралистически понимаемому З.Фрейдом бессознательному, интериоризацию можно будет толковать как "вращивание" в никуда. Леонтьев ощущал возможность такого толкования, поэтому он в последних работах оговаривал, что в процессах интериоризации внутренний план впервые рождается. Это подразумевало бы прослеживание дальнейшей судьбы "новорожденного", чего он не сделал. Но и сказанного им достаточно для утверждения, что интериоризация — это одновременно и вращивание, и выращивание. Если есть выращивание, то это по крайней мере не захоронение предметной (или социальной!) деятельности "внутрь", не погружение ее в некий "физикальный низ" или выпадения в осадок. Это и не фрейдовское вытеснение из памяти в бессознательное. Кстати, Фрейд тоже использовал при описании этого явления термин "интериоризация". Вытеснение на самом деле представляет собой деятельностно-семиотическую переработку когда-то случившегося и оставшегося в памяти. Притом переработку аффективно окрашенную, после которой событие всплывает в сознании (или влияет на действие) с точностью до наоборот [22]. Если для характеристики психоанализа использовать термины "интериоризация — экстериоризация", то техника психоанализа предполагает последнюю. В этом смысле она противоположна технике формирования умственных действий с понятиями и значениями.

Натуралистическое понимание идеи интериоризации довольно надолго задержало исследование предметной деятельности и предметного действия как таковых. Хорошо еще, что Н.А.Бернштейн не был захвачен этой идеей и понимал предметное действие не как данность, а как заданность. Психологи же как бы сомневались в самодостаточности предметного действия и рассматривали его не столько как фундамент высших психических функций, сколько как трамплин, облегчающий прыжок к восприятию, памяти, мышлению, эмоциям. А.В.Запорожец, А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн даже

выстраивали систему аргументов в пользу трактовки движения и предметного действия как такого же полноценного предмета психологического изучения, каким являются восприятие, память, мышление. Но им не терпелось перейти, прыгнуть от действия к высшим психическим функциям, к числу которых действие они все же не относили. Вспомним П.Я.Гальперина. Его первые замечательные исследования были посвящены орудийным (предметным) действиям ребенка. Затем он оставил их и перешел к изучению умственных действий. Пожалуй, лишь Запорожец поступил наоборот. Начав с сенсорных и интеллектуальных действий, он обратился к изучению их первоосновы — произвольных движений и действий.

Поиск, ориентировка, запоминание, решение — это высшее, а исполнение — оно и есть исполнение, оно служебное, само собой разумеющееся, элементарное, почти низшее. Хотя это последнее слово не произносилось, но оно подразумевалось. А от низшего, естественно, хочется быстрее перейти к высшему. И переходили, ссылаясь на теорию интериоризации, согласно которой практическое действие с весомыми, грубыми, зримыми предметами "вращивается", постепенно переходит в тонкую идеальную материю собственно психического, во внутренний план умственной деятельности. На такую позицию наталкивало и принятое Выготским деление психических функций на натуральные и культурные, на низшие и высшие, хотя сам он причислял движение именно к высшим функциям восприятия, памяти, внимания и связывал с развитием символической деятельности [3, т.6;54].

Такая логика кажется бесспорной, самоочевидной, эмпирически оправданной. И в самом деле, ребенок сначала считает палочки пальцами, потом громким голосом, потом только глазами и голосом, потом "про себя" и, наконец, в*уме. Это столь наглядно, что даже кажутся излишними экспериментальные исследования, которые, впрочем, вскрывали не только удивительно интересные детали обучения, но и уроки предметности, которые сохраняют высшие психические функции, несмотря на свою последующую автономизацию от предметного действия. Еще раз об этой логике. Внешнее предметное действие реализует идеальный замысел и умирает в продукте — или ин-териоризируется. А раз у предметной деятельности все равно такая судьба, то зачем ее исследовать? Достаточно признать действие исходной единицей анализа всей психики, неразвитым началом развитого целого, а затем найти или выбрать такое действие, которое скорее бы скончалось, куда-то вросло, будь то голова, мозг, идеальный план и т.д. Хотя для того, чтобы нечто вросло куда бы то ни было, а тем более было способно что-то породить, это нечто должно само уже быть. Оно должно появиться, родиться, как-то оформиться, хотя бы подрасти, приобрести порождающие способности.

Простая двигательная реакция в ответ на стимул тоже представляет собой предметное действие. Реакция может повторяться бесконечно, но она ничего не породит и никуда не встет. Она или выполняется или не выполняется. Равным образом и более сложные формы предметного действия не интериоризируются, они сохраняются как таковые, могут бесконечно

совершенствоваться или разрушаться от неупотребления. Иное дело, что предметная деятельность и предметные действия составляют фундамент развития высших психических функций. В этом правы создатели и преследователи психологической теории деятельности. Но об этом чуть позже, а сейчас вернемся к логике Выготского.

Начнем с первого хода Выготского. Психическая функция рождается дважды. Заметим: рождается¹. — сначала в совместной (согласно Д.Б.Эльконину, в совокупной) деятельности, а затем в индивидуальной. Развитие идет от интериндивидной к интраиндивидной деятельности. Один субъект делится своей предметной деятельностью и ее средствами-медиаторами с другим. В этом смысл понятия интериоризации у Выготского. Не телепатия, а реальная хорошо или плохо организованная передача деятельности и второе, а не первое рождение (и не интериоризация) высших психических функций. Согласно П.Я.Гальперину, то, что у Выготского рождение, есть результат интериоризации. В концептуальной схеме Гальперина передача предметной деятельности и первое рождение высших психических функций, да и самой предметной деятельности остались за скобками. Он убрал посредника-взрослого, который был у Выготского и к которому вернулись позже Д.Б.Эльконин, В.В.Давыдов, В.В.Рубцов и Б.Д.Эльконин. Гальперин рассматривал вторую производную интериоризации, или интериоризацию второго порядка, что вовсе не уменьшает его заслуг в анализе процессов формирования умственных действий. Но нужно ли умножать сущности?

Не вина, а беда советской психологии состоит в том, что в ней не было построено теоретическое понятие "предметной деятельности". На это недавно обратил внимание А.М.Пятигорский. Такая работа была начата Э.В.Ильенковым, В.В.Давыдовым, Э.Г.Юдиным. Но философское понятие предметной деятельности так же, как понятия внешнего и внутреннего, до сего времени используются в контексте психологии вполне натуралистически. Резонно задаться вопросом, почему именно понятия "предметная деятельность", "предметно-практическая деятельность", "чувственно-предметная деятельность", а не близкое или даже эквивалентное им в философии Гегеля и Маркса понятие "духовно-практическая деятельность" вошли в психологию? Почему С.Л.Рубинштейн и А.Н.Леонтьев предпочли первое, а не второе понятие? С социологической точки зрения это вполне понятно. У них не было выбора. В доме повешенного не говорят о веревке. Место духовно-практической деятельности человека начала занимать бездушная деятельность Системы. В условиях советского идеологического общежития было не до духовности с ее сомнительными ценностями. Главное — практика, которая все на свете — основа познания, критерий истины и высшая ценность. Введение в то время понятия предметной деятельности было почти подвигом, своего рода вызовом, протестом против начинавшейся эпохи, в которой сюрреалистически сочетались рабский труд, полудеятельность и пустой активизм с неподдельным энтузиазмом и творчеством. Но при его введении

из него неизбежно вытравлялись не только духовность, идеальное, принадлежащие субъекту деятельности, но и душа ее объекта-предмета, которая вкладывалась в него при его создании. Предмет утратил символические функции, свойства утвари — твар-ности. Даже предметы искусства должны были быть только "соцреалистическими", отвечать идеологии и обладать наперед заданными свойствами.⁸ Деятельность получила странные эпитеты: не духовная, а материальная (по механизмам — рефлекторная), у Гальперина часто — материализованная. Кстати, последний термин весьма разумен и был, видимо, введен не без свойственной Петру Яковлевичу иронии. Ведь материализоваться может лишь духовное, идеальное. По отношению к материальному термин "материализация" не имеет смысла.

После такой редукции духовно-практической деятельности к предметной психология могла с успехом обосновывать диалектико-материалистические трюизмы о первичности-вторичности (ср.: А.А.Зиновьев : Материя — Оне первичны). Деятельность с выпущенной из нее душой не только могла, но и должна была куда-то ин-териоризироваться, использовать шанс для приобретения хотя бы в интраиндивидуальном пространстве чудом сохранившихся черт духовности или душевности. Принципиальная схема была подобна лысенков-ской: посеяли одно, а выросло совсем другое. Разумный биосоциальный закон: "Что посеешь, то и пожнешь" советской власти был неписан, как, впрочем, и другие законы (напомню ее подлинный гимн: "Мы пожнем и посеем и зспашем"). И действительно сеяли пшеницу, пожинали овсюг, сеяли материю, пожинали сознание, сеяли мир, пожинали войну. Правда, когда сеяли войну, пожинали ее же...

Очень удобная 'наука советская диалектика. Она позволяла планировать возникновение и развитие психики, сознания, личности с наперед заданными свойствами, в соответствии с законами детерминизма растить из материи сознание без сознания. Эта простая и понятная наука действительно сумела осчастливить мировую науку (кажется, без ведома последней). Та, бедная, не смогла еще понять, как из неживого вещества возникло живое вещество и что оно собой представляет, а наша диалектика, вкупе с системным подходом и не без помощи психологии разрешила все геккелевские мировые загадки. В том числе она поняла и объяснила, что такое психика и сознание и как они возникли из неодушевленной материи, из "материализованных форм предметной деятельности". В этом жутком словосочетании слышится уже не ирония, а издевка над идеологией: "Вы просите песен, их есть у меня".

Все сказанное о советской науке — это не критика, это обещанная выше работа понимания, окрашенная переживанием по поводу дорогих и близких мне людей, наконец, это рефлексия по поводу своих собственных не столь уже давних формировавшихся в зоне взглядов...

Вернемся к предметной деятельности. Если с самого начала признать, что она в такой же степени материальна, как и идеальна; в такой же степени предметна, сколь и ментальна, а, порой, и духовна; если признать, что живое движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и

формами внутренними; если признать, что предметное действие опосредовано не только внешними орудийными или знаковыми средствами, но и содержит в себе, в своей внутренней картине, или форме образ, цель, интенции, мотив, слово; если признать, наконец, что сама предметная деятельность есть идеальная форма, то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним. Но не будем спешить отвергать его, хотя его место уже начинает занимать понятие дифференциации живого ли движения, предметного ли (или совокупного) действия, предметной ли (или социальной) деятельности [5],[16]. В результате дифференциации изначально имеющиеся в предметной деятельности зачатки ментальных образований никуда не интериоризируются, а, напротив, объективируются, экстериоризируются т.е. вырастают и автономизируются от предметной деятельности. Если взять сложные формы предметной деятельности и попробовать их формировать, то окажется, что они представляют собой особую территорию, поле, на котором при соответствующей культивации можно выращивать образы, программы, схемы памяти, интеллектуальные операции, укрощать аффекты. Превосходную характеристику этой территории, этого поля мы находим у С.Л.Рубинштейна: "Чувственность человека как предметно-практическая деятельность противоречива по своему содержанию. Ощущение и восприятие сами по себе отражают наличное бытие. Но через практическое действие, целесообразно сталкивающее между собой вещи (предмет и средство труда), в "чувственность" проникает другое содержание — внешнее и внутреннее, наличное и опосредствованное, единичное и всеобщее. Здесь эти моменты находятся в непосредственном единстве" [33;284]. Рубинштейн, понимая это, не случайно признавал действие исходной клеточкой, неразвитым началом развитого целого, единицей всего психологического анализа, поскольку действие содержит в себе все атрибуты души — познание, чувство, волю.

Таким образом, дело не в сокращениях и редукции (кстати, этот принятый в контексте исследований интериоризации термин вполне двусмысленен), а в совершенствовании внешней исполняющей формы и в развитии внутренних форм деятельности и конституирующих ее действий. Важно отметить, что внутренние формы представляют собой реальность субъективного и не поддаются, тем не менее "языку внутреннего", ускользают от него, отличаются от него и упорно сопротивляются любым своим концептуализациям. Это похоже на невозможность концептуализировать множество оттенков широкой гаммы эмоциональных переживаний, оттенков цвета, запахов и т.п. Их концептуализация возможна лишь после их "овнешнения", объективации, экстериоризации.

Подобная трактовка соответствует положению Выготского о вынесении, благодаря использованию медиаторов, высших психических функций наружу, о превращении их во внешнюю деятельность, наконец, о превращении своего поведения в предмет, которым можно управлять. Тезис Выготского о направленности знака извне вовнутрь, о котором шла речь выше, не следует понимать буквально. Ибо именно буквальное понимание провоцирует

общепринятую трактовку интериоризации. Хотя главное в этом положении Выготского состоит в том, что посредством знака психические функции выносятся наружу, объективируются превращаются во внешние (точнее сказать, в очевидные) действия и деятельность.

Отказ от натуралистической трактовки предметного действия предполагает принятие положения, что оно само не только внешнее (материальное или материализованное), а и внутреннее, т.е. наполненное когнитивными, аффективно-смысловыми образованиями. По мере дифференциации его внутренней формы совершенствуется внешняя. Как отмечалось выше, из учеников Выготского лишь Запорожец изучал движение и предметное произвольное действие как таковые, точнее, как действия психические. Он утверждал, что объективно движение само представляет собой динамический осмысленный образ, а не самое орудие осуществления намерения. Более того, он рассматривал действие как потребность, мотив, цель и задавался вопросами: каким образом действие может сделаться целью для другого действия? Каким образом субъект начинает стремиться к действию как к известной внешней вещи, внешнему предмету, удовлетворяющему его потребность? Единственная возможность этого, отмечал Запорожец, заключается в том, что действие опредмечивается. Тогда действие субъекта как бы отделяется от него и выступает не только как внешний предмет, но и как "внешний субъект", в котором оно овеществлено и персонифицировано. Овеществленная и персонифицированная субъектность действия — это уже не вполне действие, а Действо, Деяние. От субъектности действия Запорожец пришел к проблеме личностных установок, к проблеме "моторика и личность", обсуждением которой заканчивается его книга [10]. Таким образом, переход от интериндивидуального (совокупного) к интраиндивидуальному (личному) выполнению предметного действия вовсе не означает его интериоризации. Это всего лишь возможность самостоятельного выполнения действия, не более, но и не менее того. Если сохранять привычную логику интериоризации — экстериоризации, то эти два противоположно направленных движения, как минимум, следует поменять местами. В начале просто нечего интериоризировать. Лишь после своего "овнешнения", объективации, экстериоризации и автономизации от предметной деятельности высшие психические функции, сохраняющие на себе ее родимые пятна, могут вернуться в свое лоно.

В идеальном случае мысль, сознание, дух возвращаются (т.е. интериоризируются) в предметную деятельность в более совершенной, развитой форме. А на деле, если забыть о логике интериоризации — экстериоризации, они, возвращаясь в предметную деятельность, поднимают (или опускают?) ее до своего уровня, превращают ее в духовно-практическую или низводят ее до биологического, технологического акта.

По сути дела выше аргументировалась одна простая мысль: внешняя, предметная и внутренняя, умственная деятельность равно психологичны, равно предметны, равно идеальны, равно культурны и обе составляют предмет психологического исследования. Существующие между ними

различия не имеют никакого отношения к философской проблематике первичности — вторичности или к мировоззренческой проблематике возникновения психики. Об этом знал и не без иронии писал все понимавший И.В.Гете:

Мирозданье, постигая,
Все познай, не отбирая:
Что — внутри, во внешнем сыщешь;
Что — вовне, внутри отыщешь.
Так прими же без оглядки
Мира внятные загадки.

Это понимал и Выготский: "Но мы знаем также, что оба вида деятельности — мышление и реальное действие — не представляют отдаленных друг от друга непроходимой пропастью областей; на деле в живой действительности мы на каждом шагу наблюдаем переход мысли в действие и действия в мысль. Следовательно, и обе динамические системы — более подвижная, связанная с мышлением, и менее подвижная, связанная с действием, — также не изолированы друг от друга. На деле должен наблюдаться и на каждом шагу фактически наблюдается переход текущей динамики мысли в твердую и застывшую динамику действия и обратно — переход косной и скованной динамики действия в текучую динамику мышления" [3, т.5; 249]. И далее Выготский конкретизирует это положение: "Как говорит Ф.Шиллер, мысли легко уживаются друг с другом, но жестоко сталкиваются в пространстве. Поэтому, когда ребенок начинает в какой-либо актуальной ситуации мыслить, это означает не только изменение ситуации в его восприятии и в его смысловом поле, но это означает, в первую очередь, изменение в его динамике. Динамика реальной ситуации, превратившись в текучую динамику мысли, стала обнаруживать новые свойства, новые возможности движения, объединения и коммуникации отдельных систем. Однако это прямое движение динамики от актуальной ситуации к мысли было бы совершенно бесполезно и не нужно, если бы не существовало и обратное движение, обратное превращение текучей динамики мысли в жесткую и прочную динамическую систему реального действия. Трудность выполнения ряда намерений как раз и связана с тем, что динамику мысли с ее текучестью и свободой надо превратить в динамику реального действия" (там же, 250). Уверен, что Н.А.Бернштейну понравилось бы выражение Выготского: "жесткая и прочная динамическая система реального действия". Понятия Бернштейна об образе потребного будущего вполне эквиваленты понятиям Выготского о смысловом поле, психологическом поле, или актуальном будущем поле. Важно отметить, что в приведенных выписках ничего нет о внешнем и внутреннем, об интериоризации и экстериоризации. Нет и оппозиции предметное — психологическое действие.

Напомню об усилиях А.Н.Леонтьева доказать принципиальную общность строения внешнего и внутреннего. Этот осторожный тезис у некоторых его последователей превращался в положение о тождестве внешней и внутренней деятельности. У Выготского не было иллюзий по этому поводу:

"Динамика мышления не является зеркально отражающим динамическим отношением, господствующим в реальном действии. Если бы мышление ничего не изменяло в динамическом действии, оно было бы совершенно не нужно. Конечно, жизнь определяет сознание. Оно возникает из жизни и образует только один из ее моментов. Но раз возникшее мышление само определяет жизнь, или, вернее, мыслящая жизнь определяет сама себя через сознание. Как только мы оторвали мышление от жизни, от динамики и потребности, лишили его всякой действенности, мы закрыли себе всякие пути к выявлению и объяснению свойств и главного назначения мышления: определять образ жизни и поведения, изменять наши действия, направлять их и освобождать их из-под власти конкретной ситуации" (там же, с.252). Это психология еще не испорченная ленинской теорией отражения, идеологическими заданиями.⁹ (В любом случае, она была испорчена в меньшей степени, чем психологическая теория деятельности [13].) Хотя сам Выготский считал себя марксистом и обижался, когда его таковым не считали. Я, правда, думаю, что С.Тулмин сильно преувеличил, когда писал, что Выготский был счастлив называть себя марксистом [35].

Проделанная выше работа по реинтерпретации понятия интериоризации не означает, что богатейшая эмпирия, скрывающаяся за ним, неверна или не нужна. Обнаруженные факты возникновения и редукции различных форм внимания, получивших почему-то наименование ориентировки в материале и контроля результатов; этапы формирования сенсорных, перцептивных, мнемических, познавательных, исполнительных, умственных, эмоциональных действий и многое другое, что относится к действительным достижениям культурно-исторической психологии Выготского и ее дочернего направления — психологической теории деятельности, сохраняют научную и практическую ценность [13],[15]. Эту эмпирию можно и нужно рассматривать не с точки зрения интериоризации, погружения, вращения, не с точки зрения инволюции предметного действия, не с точки трансформации материального в идеальное, в психическое, умственное. Ее нужно рассматривать с точки зрения эволюции интраиндивидуальных, интрасубъективных, а попросту — личных форм предметной деятельности, становления, созревания, роста на изначально смысловом, психологическом поле деятельности высших психических функций, психологических функциональных систем, ментальных образований, артефактов, артеактов, доминант, функциональных органов, акцентуаций, амплификаторов, форм превращенных, новообразований и т.д.

Подобная смена фокуса внимания с интериоризации на дифференциацию с последующей экстериторизацией позволит освободиться от многих псевдопроблем, например, что происходит с самой предметной деятельностью после ее интериоризации? Как найти аналоги или прототипы предметной деятельности не только для счета в уме, чтения про себя, а для всего богатства нашего душевного мира? Между прочим, психологию должна бы больше волновать обратная проблема. Как внутри, в идеальном плане рождаются новые формы предметной деятельности. Эта

действительная загадка и тайна того, как мысль ищет не только слово, но и единственный, никому не известный поступок, пока приоткрывается лишь средствами искусства. Предельно обострю проблему. Что находится за поступком не в обыденном смысле этого слова, а в возвышенном — в смысле М.М.Бахтина, как не алиби в бытии. Сознание или двигательный почин? А может быть откровение? Правда, в последнем случае это будет уже поступок в смысле о.Павла Флоренского, т.е. личный духовный подвиг.

Выготский, конечно, не мог удержаться от комментария по поводу мудрствующего над Евангелием Фауста. Он предложил свой вариант примирения оппозиции Слова и Дела. Он вслед за Г.Гуцманом меняет ударение в гетевском варианте "Вначале было дело", и пишет, что "Слово образует скорее конец, чем начало развития. Слово есть конец, который венчает дело" [3, т.2; 360]. Выражено, конечно, красиво, но к этому следует добавить постоянный рефрен Выготского о том, что в ходе развития причина и следствие меняются местами. Он специально изучал как "схема действия начинает формулироваться ребенком словами непосредственно перед началом действия, предвосхищая его дальнейшее развертывание" [3, т.6; 35]. В лексиконе Выготского не было понятия "поступок", он предпочитал понятие "свободное действие" и пытался понять, как развитие знаково-символической деятельности приводит к его возникновению: "Действие человека, возникшее в процессе культурно-исторического развития поведения, есть свободное действие, т.е. независимое от непосредственно действующей потребности и от непосредственно воспринимаемой ситуации, действие, направленное на будущее" (там же, с.85).

Выготский различал разумное действие, свойственное и животным, и разумное и свободное действие, свойственное лишь человеку. Эта линия исследований Выготского (по причинам, указанным выше) не получила должного развития в психологической теории деятельности.

Для обсуждения проблемы взаимоотношений слова и дела важно не столько то, что' в начале, а что' в конце, а то, что в рассуждении Выготского слово (мысль) и дело (действие) выступают на равных и борьба между ними происходит на равных. Об этом же свидетельствуют приведенные выше длинные выписки из Выготского о соотношении мысли и действия. Отношения эти далеко не эпические, скорее драматические, а то и трагические. Когда мышление, рефлексия, гамлетовское сомнение автономизируются от действия или становятся действиями слишком умственными, практическое действие и его субъект могут завязнуть в них, утратить имя действия:

Так трусами нас делает раздумье, И от решимости
природный цвет Хиреет под налетом мысли бледной,
И начинанья взнесшиеся мощно, Сворачивая в
сторону свой ход, Теряют имя действия...

Дополним любимого Выготским В.Шекспира еще одним художественным описанием, принадлежащим Вяч.И.Иванову: "В каждом деянии, как и в каждом обособленном возникновении, таится обращенное внутрь его жало

смерти. Смерть действия — его разложение: оно обращается в свое противоположное, — "само кует свой плен", — между тем как первоначальная воля возрождается в другом действии, которое в свою очередь проходит тот же круг. Каждое действие подобно жезлу, обвитому четою эхидн: змеи уязвляют одна другую на смерть, жезл выскальзывает из их колец. Крылатым надлежит ему быть, — т.е. стремиться, хотя бы и титаническим усилием, к безусловному, к совершенству чистой Идеи, — чтобы не кануть в нижнюю бездну: тогда обовьет его новая яростная чета, и вознесение действия будет продолжено"[27,т.П;159].

Едва ли нужно говорить, сколь убогой будет интерпретация этих драматических образов в понятиях интериоризации — экстериоризации, присвоения, воспроизведения заданных социокультурных образцов. Дело заключается не только в неадекватности терминов. Это было бы еще полбеда. Вся беда в том, что логика интериоризации — экстериоризации элиминирует творческий характер развития, без чего невозможно возникновение новообразований. Эта логика не оставляет места интуиции, инсайту, откровению, наконец. Психолого-педагогическую практику, ориентирующуюся на законы интериоризации вырывает то, что полное понимание и полное воспроизведение невозможно. А.Н.Бернштейн заметил, что "упражнение — это повторение без повторения". Значит, всегда есть зазор для творчества, для саморазвития. «

Выше уже шла речь о чрезвычайной сложности процессов овладения связью между знаком и значением. Согласно Выготскому, овладение этой связью эквивалентно возникновению и развитию символической деятельности. Последняя "не возникает ни тем путем, которым вырабатывается сложный навык, ни тем путем, которым возникает открытие или изобретение ребенка. Символическая деятельность ребенка не изобретается им и не заучивается" [3,т.6;14].^{1:1} Нельзя сказать, что Выготский решил проблему возникновения и развития знаково-символической деятельности, благодаря которой поведение становится разумным и свободным. Было бы наивно требовать этого даже от гения. Ведь сам Выготский называл эти слои поведения "новыми историческими формациями". Зато он в высшей степени отчетливо очертил предмет будущих исследований, дав превосходное феноменологическое описание действия, свободного от власти непосредственно действующей на ребенка актуальной ситуации: "Создавая с помощью речи рядом с пространственным полем также и временное поле для действия, столь же обозримое и реальное, как и оптическая ситуация (хотя, может быть, и более смутное), говорящий ребенок получает возможность динамически направлять свое внимание, действуя в настоящем с точки зрения будущего поля и часто относясь к активно созданным в настоящей ситуации изменениям с точки зрения своих прошлых действий. Именно благодаря участию речи и переходу к свободному распределению внимания будущее поле действия из старой и абстрактной вербальной формулы превращается в актуальную оптическую ситуацию; в нем, как основная конфигурация, отчетливо выступают все элементы,

входящие в план будущего действия, выделяясь тем самым из общего фона возможных действий. В том, что поле внимания, не совпадающее с полем восприятия, с помощью речи отбирает из последнего элементы актуального будущего поля, и заключается специфическое отличие операции ребенка от операции высших животных" (там же, с.47-48). К своему стыду я только в процессе работы над настоящей статьей проник (возможно не до конца) в смысл приведенного отрывка. В нем по существу дано описание психологического синтеза времени, хронотопа сознательной и бессознательной жизни, хотя Выготский и не пользовался этим понятием. Оно было введено А.А.Ухтомским, широко использовалось М.М.Бахтиным при анализе художественного творчества. К раскрытию психологических механизмов хронотопа, или таинственных превращений пространства времени в психологическом поле — пространстве смысла психология только приступает. Хронотопическое измерение бытия — сознания "охватывает не одно восприятие, но целую серию потенциальных восприятий, образующих общую раскинутую во времени сукцессивную динамическую структуру" (там же, с.48). Видимо, такую же структуру представляет и фон возможных действий", точнее, их программ, из которого выделяется фигура актуального действия. Я не могу оценить это иначе как озарение Выготского. К этому выводу я и мои коллеги шли многие годы, но с такой ясностью не смогли сформулировать ни свои исследовательские задачи, ни свои результаты [5], [6], [12], [15], [22], [23].¹² Теперь, уже после работ М.М.Бахтина, М.К.Мамардашвили, В.Н.Топорова, посвященных "художественному хронотопу", интересно обратиться к "Психологии искусства", где лежат истоки органической психологии Выготского. В качестве примера укажу лишь на психологический анализ колоссальной деформации всех временных масштабов в "Трагедии о Гамлете", где вышедшее из колеи своей время образовало провал в вечности, где бездействие насыщено мистическим ритмом внутреннего движения трагедии к катастрофе. "Фон возможных действий"-это уже не просто характеристика оперативно-технической стороны деятельности. Это выход в "личностно-смысловое пространство" (А.Г.Асмолов), в "надситуативную активность" (В.А.Петровский), в пятое — смысловое измерение бытия (А.Н.Леонтьев, М.К.Мамардашвили, М.Коул). Мне кажется, что в недалеком будущем психология придет к тому, что на самом деле это первое, а не последнее измерение человеческого бытия [17]. Но это сюжет для другой сказки, в том числе и о том, как М.Коул "внедряет" 5-ое измерение во всем огромном Калифорнийском университете.

* * *

Я уделил такое большое место проблемам внешнего и внутреннего, интериоризации и экстериоризации, так как многие последователи и критики культурно-исторической психологии именно в них видят главные достижения (или недостатки) Выготского. Бесспорно, Выготский уделял этой классической проблематике значительное внимание. Однако, как говорилось выше, пафос культурно-исторической психологии, ее неклассичность состоит в другом.

Овладение субъектом полным составом медиаторов расширяет степени свободы поведения и, казалось бы, сильно усложняет задачу управления им. В теории развития Выготского понятия опосредствования, овладения и осознания являются ключевыми. Избыток орудий, инструментов, средств (и сил) — это, несомненно, дополнительный источник свободы человека развивающегося. Дополнительный по отношению к "несотворенной свободе", т.е. по отношению к натуральным, естественным степеням свободы, которые получает живое существо от рождения. Этот же "пространства внутренний избыток" рождает проблему выбора адекватных действий, орудий, средств, которая должна решаться *hic et nunc*. Выбор требует времени, которого всегда недостаточно. Большое число исследований, выполненных учениками и последователями Выготского, наметили пути ее решения. Получено много примеров обратной трансформации опосредствованного, произвольного в непосредственное и непроизвольное. Это особый тип трансформации, при которой сохраняется приобретенная инструментальность, иными словами опосредствованность действий, деятельности, поведения, а по длительности, по самонаблюдению, они осуществляются как непосредственные, натуральные, спонтанные, т.е. как бы безотчетно. Но это лишь кажимость. В результате овладения действие становится умным, сознательным и свободным, а не опускается до уровня рефлекса. Возникает не автоматизм, а "инструментальная стихия", обладающая порождающими свойствами. Здесь сотворенная свобода развивает, обогащает, ограничивает несотворенную, она не вступает в противоречие с человеческой сущностью, самостью.

Однако в современном мире не все так безоблачно и гладко. Перед ним сегодня ставит проблемы не столько культура, сколько цивилизация. Человек действительно оснащается таким большим числом орудий, средств, артефактов, артеактов, амплификаторов, акцентуаций, установок, доминант, новых искусственных форм, функциональных органов, идеологием, что реальна опасность превращения его самого в "человекоорудие" в инструмент, в машину, в робота и т.п. Такие опасения артикулированы в культуре независимо от культурно-исторической теории развития психики и сознания. Многие из них сбывались и сбываются, мимо чего культурная психология не может и не должна проходить. Напомню слова К.Ясперса: "Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция" [46-311].

Нужно ли в свете этих становящихся реальностью опасений продолжать записывать в актив психологии преодоление старого доброго постулата непосредственности, как это делали Д.Н.Узнадзе и А.Н.Леонтьев? Ведь сейчас в литературе блуждает даже термин "искусственная интеллигенция". К сожалению, не только термин и не только в литературе... Еще больше обострю проблему. Мы ценим в человеке не искусственность и опосредованность, а естественность, непосредственность, натуральность,

неподдельность, произвольность, спонтанность, открытость, самость, наконец. Неужели в результате овладения богатейшим инструментарием все перечисленное остается лишь детским атавизмом, как рефлекс робинзона? И сам человек превращается в артефакт? Это было бы слишком печально. Да и Христос не зря говорил ученикам: "Будьте как дети..." Мы знаем, что у наиболее талантливых их самость и детство сохраняются на всю жизнь.

В теории опосредствованного развития психики содержится вакцина против "силы вещей", против тотального инструментализма и орудийности цивилизации. Это представления Л.Выготского о смысловом строении сознания — важнейшего элемента идеальной формы (взаимоотношения сознания и идеальной формы должны стать предметом специальных размышлений).

По своему происхождению сознание несомненно связано с символом, т.е., строго говоря, с артефактом, который может быть многозначен, может иметь переменный смысл, терять его. А по своему строению и функционированию сознание связано со смыслом, который укоренен не в символе (хотя и такое бывает), а в бытии, в самом существовании, которое не может его потерять. Во всяком случае, нельзя не согласиться с тем, что в бытии укоренен абсолютный смысл. Именно он ограничивает степени свободы относительных смыслов, которые несут в себе медиаторы-артефакты. Абсолютный смысл, если он приоткрывается субъекту, может обесмыслить смысл символа, слова, мифа, утопии, поставить их на место. Бытийным, абсолютным смыслом нельзя манипулировать, как вербальными, символическими смыслами. Вообще абсолютный смысл (смысл жизни) трудно вербализуем и о нем в приличном обществе говорить не принято. Хотя опасно недооценивать способности "манипуляторов" человеческим сознанием. Это подтверждает и печальный опыт педагогики, когда она подчиняется идеологии, которая по определению стремится к тотальности, какими бы красивыми символами, словами и мифами она ни камуфлировалась. Подделка идеологии под абсолютный смысл рано, но чаще поздно обнаруживается.

Источник оптимизма состоит в том, что, к счастью, не все медиаторы искусственны. Главным из них в логике Л.Выготского является Другой — непосредственный носитель бытийных смыслов и остальных медиаторов. Другой — в логике Л.Фейербаха, М.Бубера, М.М.Бахтина, Л.С.Выготского — не артефакт. В логике П.А.Флоренского человек — даже не факт, а акт. Б.Д.Эльконин интересно развивает идеи Д.Б.Эльконина об исходных, или начальных формах интерпсихического, которое он называл "предзнаковыми формами организации одним человеком поведения другого" [42]. Это специальный сюжет, который заключен в афоризме Бахтина: "Человек — уравнение я и другого". В свете теории Выготского не "сила вещей", а "связь людей" определяет развитие высших психических функций и сознания. Я пользуюсь афористическим различием М.Пришвина: "Культура — это связь людей"; "цивилизация — это сила вещей". Это различие можно выразить иначе. Культура — *Cogito ergo sum*. Цивилизация — *Agum ergo sum*.

Разница между Cogito и Agum не только весьма существенна, но и не вполне безобидна. Еще раз сошлюсь на К.Ясперса: "Вероятно человек надеялся узреть в своей деятельности бытие, но испуганный оказался перед им самим созданной пустотой" [46;299]. Преодолению этой пустоты в равной степени должны содействовать культурная теория сознания и цивилизованная теория деятельности, которые органически связаны друг с другом и, надеюсь, столь же органичны — человеческому бытию.

Мне осталось подвести некоторые итоги. Итак, аффективно-смысловые образования, объектированные в идеальной форме, имеющей и материальное существование, т.е. объектированные в культуре, не утрачивают своей субъективности. Они имеют наиндивидуальное объект-субъектное существование. Реальная, индивидуальная форма аффективно-смысловых образований — это не внутреннее, она не менее объективна, она находится в пространстве, названном М.Бубе-ром "между" (между Я — Ты). Значит реальная форма имеет субъект-объектное существование. Посредники, операторы преобразования, артефакты, словом, медиаторы, обеспечивающие взаимоотношения и взаимопереходы идеальной и реальной форм, могут быть как объект-субъектны, так и субъект-объектны.*³ Таким образом, все три формы: идеальная, реальная и медиативная — это живые, деятельные формы, они имеют общую природу. Они органичны, комплиментарны, конгениальны друг другу, совместимы друг с другом.¹⁴ Хотя, конечно, в жизни бывает всякое, в том числе и отторжение, неприятие одной формы другой. Проще всего сказать, что все эти формы имеют человеческую природу, что, впрочем, не мешает им быть, порой, бесчеловечными. Отношения между идеальной и реальной формами правильнее всего могут быть описаны как взаимное порождение: реальной формы — идеальной и идеальной формы — реальной. В последнем случае индивидуальная, личная форма превосходит самую себя, перерастает в наиндивидуальную, сверхличную, в пределе — без остатка растворяется в идеальной форме или даже изменяет, превосходит последнюю. Когда культурно-историческая психология приблизится к пониманию этого, она станет "событийно-исторической". Первые шаги в этом направлении делает Б.Д.Эльконин, рассматривающий акты развития как события [41]. Само собой разумеется, что событийно-историческая психология не может быть построена без полноценной теории личности (почему-то мне кажется — не только теории). Как бы там ни было, идеальная, реальная и медиативная формы входят или составляют человеческое бытие, точнее, если воспользоваться образом Мамардашвили, единый континуум бытия — сознания. Именно в этом я вижу неклассичность подхода Выготского и органичность культурно-исторической психологии.

Читатель, привыкший к диалектическому материализму, знакомый с историей попыток разрешить психофизическую проблему, может резонно спросить, а как быть с основным вопросом философии? Что же происходит и где находится (в том числе и в концептуальной схеме органической психологии) вне и независимо от меня существующий объективный мир Природы и Космоса. Ведь нельзя же и его отнести к объективированным

аффективно-смысловым образованиям, к творению человека. Этот мир действительно существует и находится там, где ему надлежит быть, т.е. вне и независимо от человека. Но он существует таким образом лишь до тех пор, пока он не станет миром человеческим. Стать таковым он может лишь войдя в круг, в континуум бытия — сознания, в мир человеческой деятельности.

Попадая в этот круг, объективный мир или его объекты очеловечиваются, вочеловечиваются, получают названия, Имя. Прекрасное слово "вочеловечивание" я встречал у бл.Августина, у А.Блока. Есть и другие термины, несущие ту же смысловую нагрузку. М.Мерло-Понти говорил об инкрустации, М.М.Бахтин — об инкарнации, Р.Авенариус — об интроекции. С таким же успехом можно говорить об интериоризации объектов мира в континуум бытия — сознания, в мир человеческой деятельности/¹⁵

Вочеловечивание мира — это его оживление, одухотворение. Человеку неуютно жить в мертвом мире. Космос становится не только живым, но и поэтическим. Эта замечательная лингвистическая находка принадлежит К.А.Кедрову. Напомню О.Мандельштама:

У маленькой вечности в люльке Большая
Вселенная спит, или:
Взять в руки целый мир Как яблоко
простое.

Наука, идя за мифологией* поэзией и религией, постепенно приходит к тому, что Вселенная изначально органична человеку. Глаз в такой же мере порождение Солнца, в какой Солнце (во всяком случае в мифопоэтической традиции) — порождение глаза. Наука находит все новые и новые доказательства в пользу антропного принципа организации Вселенной. (Кстати, науке, запутавшейся в цивилизации, пора бы позаботиться о подобном принципе своей собственной организации и развития.) Такие размышления поэтов, философов, физиков, конечно, чрезвычайно интересны, они расширяют профессиональное сознание психологов. В частности, они помогают понять, как человеческое мышление приобретает планетарные масштабы, а человеческая глупость достигает космических высот. Но эти размышления, конечно, не облегчают нашей собственной психологической проблематики.

Драма развития остается драмой вживания человека в мир, об-живания, одухотворения его и вживления мира в человека. Эти асимметричные процессы обеспечивают выживание человека и человечества (о большем, например, о таких пустяках, как достоинство, свобода и ответственность сегодня можно только мечтать). Психология не может оставаться лишь безучастным наблюдателем этой драмы. Выготскому были чужды распространившиеся позже в советской психологии (и бытующие еще сегодня) весьма удобные представления о плавном, спокойном, эпическом, правда, прерываемом время от времени вполне предсказуемыми кризисами развитии ребенка. Он вовсе не представлял себе дело таким образом, что персонифицированный в виде "доброго взрослого" культурно-исторический опыт благоговейно встречает ребенка в зоне ближайшего развития ,

благодушно дожидается благоприятного сензитивного периода, дождавшись, энергично интериоризируется в психику ребенка, покувыркаясь в ней, экстериоризируется и после амплификации вновь возвращается вовнутрь... Выготский отчетливо понимал драматический, а то и катастрофический характер человеческого развития. Он стремился разделить надвое то, что сейчас слито в одном, экспериментально развернуть (т.е. осуществить как бы обратную временную развертку) высший психический процесс в ту драму, которая происходит между людьми, т.е. понять развитие как подлинный социогенез высших форм поведения [3, т.3; 145].¹⁶

Отечественная психология надолго (к счастью, не вся и не навсегда) ушла от этого замысла, который не мог быть реализован в то время. Она занялась изучением функционального генеза и микрогенеза высших психических процессов и их оперативно-технической механики. Иначе говоря, она пошла не за Выготским, а за двумя другими гениями психологии XX века — Бернштейном и Пиаже. Интересно, что, критикуя Пиаже с позиций Выготского, она критиковала самое себя. Именно в этом свете следует воспринимать призыв Д.Б.Эльконина: "Назад к Выготскому!" В замысле изучения культурного социогенеза (а не навязшей в зубах социализации личности) психики, поведения и сознания, вызывающем отчетливые ассоциации с представлениями о сознательной и бессознательной жизни как об активном хронотопе [17],[22], в очередной раз проявилось единство интеллекта и аффекта самого Выготского. Он был для многих и остается для некоторых поучительным примером для подражания и продолжения дела его жизни.

Несколько слов в заключение. Теорию Л.С.Выготского развивали выдающиеся умы. Но эта теория адекватна своему предмету: чем больше развиваешь, тем больше остается. У меня не было претензии на ее развитие — только на понимание и на трансляцию своего понимания. Оно, видимо, отличается от понимания других, но это не их и

не моя вина. Может быть, в этом виноват сам Л.С.Выготский, который слишком намного опередил свое время.

* * *

Примечания

Нижеследующие примечания преследуют цель сделать указательный жест на культурно-исторический контекст, в котором возникла и развивалась культурно-историческая психология Л.С.Выготского. Подобный опыт амплификации теории Выготского был начат мною ранее [15],[23] и продолжается сейчас. Здесь я ограничился преимущественно ссылками на работы о.Павла Флоренского, которые еще не освоены и не включены в контекст российской психологии. Выготский во многом конгениален Флоренскому, хотя нет данных о том, что он знал его труды. Мое внимание к Флоренскому объясняется еще и тем, что есть работы, посвященные сходству взглядов Выготского и Бернштейна [21], Выготского и Бахтина [2], Выготского и Дж.Дьюи (Ж.Карпей, в печати) Начато подобное сопоставление взглядов Выготского и Шпета. Имеется также множество работ посвященных Выготскому и Пиаже.

*К внешнему оправданию может быть добавлена ссылка на труды Н.О.Лосского, который рассматривал мир как органическое целое и развивал идеи целостного органического миропонимания, противопоставляя его атомистическому, механистическому миропониманию. Лосский приводит хороший пример В.С.Соловьева о том, что целое (линия) способно быть основанием бесконечной множественности (точек), но неспособно возникать из нее [30;341].

²П.А.Флоренский заимствовал термин "органопроекция" у Э.Каппа, который предложил его в 1877 г. в книге "Философия техники": "Суть мысли Каппа уподобить искусственные произведения техники естественно выросшим орудиям. Техника есть сколок с живого тела или, точнее, с жизненного тело-образующего начала; живое тело... есть первообраз всякой техники" [39;153]. Флоренский анализировал с этой точки зрения огромное число орудий труда. Он не ограничился установлением внешнего и очевидного сходства, а рассматривал наши органы и наши орудия в их возникновении: "Глаз, например, есть изнутри ничто иное, как« влечение к свету»; но это самое влечение, в другом порядке, однако, внешнем, как и самый орган, создает камеру-обскуру, телескоп и микроскоп... И, следовательно, камера-обскура может рассматриваться как символ того внутреннего движения жизни, которое мы имеем при себе, в непрестанном органическом усилии осуществления, как глаз" (там же; 171). Впоследствии работы Каппа и Флоренского были забыты. Слабое подобие этих идей можно найти в модной некоторое время тому назад бионике.

³Вполне возможно, что на А.А.Ухтомского оказали влияние тру-

ды П.А.Флоренского, который определял разум как орган человека: "Что бы мы не думали о человеческом разуме, но для нас загодя есть возможность утверждать, что он — орган человека, его живая деятельность, его реальная сила, логос" [37;73]. Далее Флоренский пишет о причастности разума бытию и бытия разумности: "А если — так, то акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный" (там же).

⁴Можно предположить, что для Ухтомского понятие "функционального органа" было единицей анализа духовного организма, познание анатомии которого было главной целью его жизни. Равным образом, для Выготского понятие "психологическая функциональная система", эквивалентное понятию способности, было единицей анализа "душевного организма, обладающего деятельностями" [3, т.1;157].

⁵В этом контексте полезно привести положение Выготского о том, что "Связь деятельностей — это центральный пункт в изучении всякой системы". И далее автор разъясняет: "Проблема связи должна быть с самого начала противопоставлена атомистической проблеме. «Сознание изначально есть нечто целое» — это мы постулируем. Сознание определяет судьбу системы, как организм — функции [3, т.1;157-158]«.» Выготский не только настаивает на том, что сознание — это связь деятельностей, но делает из этого постулата проблему, считая эту связь переменной и делая ее предметом психологического исследования.

⁶Разумеется, такое "прораствание" происходит не в физическое, а в символическое "тело" человека, в его духовный организм, в "тело" его желаний, мотивов, сознания. М.К.Мамардашвили принадлежит довольно жуткая метафора прораствания невидимой части символа в натуральное тело человека. Он приглашал своих слушателей представить себе, что волосы головы растут не наружу, а прораствают внутрь, в мозг человека. Мозг, опутанный прораствшими в него волосами, — картинка не для слабонервных.

⁷Продолжу в связи с вынесением вовне приведенную в Примечании 3 цитату Флоренского: "Познание есть реальное выхождение познающего из себя или, — что то же, — реальное вхождение познаваемого в познающего, — реальное единение познающего и познаваемого" (там же). Флоренский замечает, что конечный пункт "выхож-дения" и "вхождения" один и тот же. Обе метафоры означают один и тот же акт внутреннего (или органического) объединения познающего с познаваемым (там же; 645).

⁸Литературный критик А.Биленков заметил, что "Социалистический реализм все время приходит в противоречие с весьма реалистическим социализмом".

⁹По поводу отношения Выготского к идее отражения уместно привести следующее его высказывание: "Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть

островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было

действовать. В этом ее положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма" [3, т.1; 347]. К этому можно добавить известный симптом: отсутствию зрительных иллюзий сопутствуют глубокие степени умственной отсталости. Писателю Леониду Андрееву принадлежит "оптимистическая" характеристика временного отрезка, называемого жизнью: "Человек рождается без зубов, без волос и без иллюзий. Человек сходит в могилу без зубов, без волос и без иллюзий".

^Направленность свободного действия на будущее означает и то, что это действие подчинено "закону внутри нас". Замечательна характеристика свободного действия, данная Мамардашвили: "Представим себе, что действие есть некое сочетание разных шагов, например, сочленение нескольких шарниров, и оно происходит таким образом, что ни один из шарниров не производит никакого спонтанного неконтролируемого движения, не порожаемого самим действием. То есть внутри действия нет никакой пляски "святого Витта", но и вообще не порождаются никакие действия, кроме одного. Такое действие, внутри которого нет никаких элементов, имеющих независимое происхождение, и называется свободным, и такое действие безошибочно" (Цит. по [17; 273]). Значит, свободное действие, вопреки расхожим представлениям, не спонтанно, а именно свободно, хотя оно, конечно, контролируется смыслом задачи, "образом потребного будущего".

"Вьютский не мог знать размышлений П.А.Флоренского о природе символической деятельности, относящихся к началу 20-х гг. и опубликованных в 1992 г.: "Скажем точнее и яснее: символика не измышляется кем бы то ни было, не возникает чрез обусловливание, а открывается духом в глубинах нашего существа, в средоточении всех сил жизни и отсюда изводится, воплощаясь в ряде последовательных, наслающихся друг на друге оболочек, чтобы наконец родиться от познавшего и давшего ей воплотиться созерцателя. Основа символики — не произвол, а сокровенная природа нашего существа: язык символов, —! а он и есть вообще язык, ибо и язык словесный символичен, хотя есть язык языка, — язык символов заложен в нас в самом творении нас, и притом не как врожденный, то есть к нам присоединенный, и потому могущий быть и могущий не быть, а как неотделимый от самого существа нашего, как такой, без которого мы не были бы вообще возможны, то есть как априорный. Он не-дрится в глубочайших наших основах, и нам не принадлежит сотворить его, в подлинном смысле слова, ибо это значило сотворить реальность..." [39; 173]. Через несколько страниц П.А.Флоренский еще яснее выражает эту же мысль: "... символика потому и есть символика, что ею дается тема, которая подлежит каждый раз творческому развитию, к которой дух должен отнестись творчески, — а не готовая, механически складываемая вещь, ничуть не меняющаяся, не живущая в духе, себе количественно равная. Выражаясь музыкально, скажем, что символ, сам по себе еще не есть музыка, но станет таковою лишь после контрапунктической разработки его нашим

духом, и при том — непременно личной, непременно всякий раз, хотя бы и воспроизводимой, — но творчески. Выражаясь механически, скажем, что символ дается отнюдь не как движение мысли и всей внутренней жизни, но лишь как некоторое дифференциальное уравнение движения, причем интеграл этого уравнения каждый раз определяется наново, сообразно с начальными условиями всего жизненного фона данной личности, данной среды, эпохи и момента; но интеграл, повторяю, надлежит жизненно определить, и тогда, личным подвигом, личным творческим усилием двинуть мысль" (там же; 177-178). По сути дела Флоренский очертил перспективу ближайшего и более отдаленного развития органической психологии: "... символика общеобязательна, она исторически и общественно устойчива, она дана и дается нам как нечто готовое, но это она же именно проявляется нами, каждый раз заново находямая в недрах внутренней жизни, и дается нами, как наш дар обществу" (там же; 174). Культурно-историческая психология, вкупе с психологической теорией деятельности, сумели лишь начать реализацию этой впечатляющей программы. Это не так уж мало, если учесть, что их создатели не подозревали о ее существовании.

¹²Я имею ввиду, например, исследования микроструктуры кратковременной зрительной памяти, в которых обнаружены эффекты, подобные картотеке последовательно зафиксированных следов (икон), остающихся некоторое время доступными для субъекта, а также попытки визуализации хронотопа сознательной и бессознательной жизни [17].

Строго говоря, есть такие формы жизни, которые можно назвать предпсихическими, предмедиативными, установочными (в смысле теории установки Д.Н.Узнадзе), при описании которых понятия "субъект" и "объект" следует употреблять очень условно. Флоренский показывает это на примере первичного устремления к свету, в котором содержатся все дальнейшие психологические отношения к свету: "... наше стремление к свету есть тем самым явление света в нас, свет в нас, поскольку он является нам, — не только наша энергия, как проявление нашей собственной бытийственности, но и энергия света как проявление его бытийственности" [39;172]. Флоренский замечает, что на этой глубине внутренней жизни ни объекта, ни субъекта, в точном смысле слова еще нет. К этому можно добавить, что на вершинах психической, духовной жизни строгое различие субъекта и объекта не проще. Вообще, нужно сказать, что культурно-историческая психология, сконцентрировав свои усилия на Истории, уделяла и уделяет недостаточное внимание Природе. Представления П.А.Флоренского о Природе и Истории были более органичны или равновесны: "Ведь культура никогда не дается нам без стихийной подосновы своей, служащей ей средою и материей: в основе всякого явления культуры лежит некоторое природное явление, культурою возделываемое. Человек, как носитель культуры не творит ничего, но лишь образует и преобразует стихийное" [39;128]. Именно с этой точки зрения интересны приведенные выше соображения Флоренского о роли в развитии первичных устремлений к свету. Они вполне соотносимы с представлениями А.Г.Гурвича о таком природном явлении, как

"неудержимость онтогенеза". Приведенные соображения Флоренского полезно учитывать при обсуждении натуральных и культурных психических функций. Их различие, видимо, бесспорно, но критерии, по которым оно проводится, в теории Выготского весьма расплывчаты и неоднократно подвергались справедливой критике.

Относительно медиативной формы нужно сказать, что в ее понимании вызывает определенные трудности различие внешних и внутренних средств деятельности. Это различие связано с тем, что в роли медиаторов могут выступать Другой — взрослый, знак, слово символ, миф, даже смысл, поскольку последний, в логике Л.Витгенштейна, может быть отождествлен с неким известным фактом. Вместе с тем, в роли медиаторов выступают образы, действия, схемы памяти и другие ментальные образования, которые принято относить к внутренним средствам деятельности. Но ведь в последних мы, в свою очередь, можем различать внешнее и внутреннее. Для того чтобы избежать путаницы, точнее говорить о внешних и собственных средствах деятельности индивида. Например, в контексте эргономики информационная модель реальности есть внешнее средство деятельности, а образно-концептуальная модель — собственное средство.

¹⁵Здесь уместно вновь обратиться к П.А.Флоренскому: "Итак, познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное общение личностей, из которых каждая для каждой служит и объектом и субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью.

Другими словами, существенное познание, разумеемое как акт познающего субъекта, и существенная истина, разумеемая как познаваемый реальный объект, — обе они — одно и то же реально, хотя и различаются в отвлеченном рассудке" [39;74]. Включение личности в психологию познавательной деятельности или в когнитивную психологию есть включение драматического и трагического моментов, страстей души. До сих пор психология подобного накала чувств не испытывала или не могла себе этого позволить? Она лишь манипулировала главами, посвященными личности, перенося их из конца в начало учебников и обратно. Кто знает, не сделал ли бы этого Выготский, если бы его собственная жизнь не оборвалась так трагически? Смерть не позволила ему завершить "Учение об эмоциях" и в этом свете еще раз вернуться к психологии развития. Хотя подобная заявка им была сделана, когда он сказал, что за мыслью стоит аффективная и волевая тенденция...

¹⁶Выготский настаивал на катастрофическом характере борьбы, динамическом и диалектическом процессе между миром и человеком и внутри человека, который он называл поведением [3, т.1;87].

Литература

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.:Наука,1990.
2. Верч, Дж. Голоса разума. М.:ТриволаД996.
- 3.Выготский Л.С. Собр.соч.: В 6 т. М: Педагогика, 1982-1984.
- 3-а.Гальперин П.Я. О формировании чувственных образов и понятий //Ма-териалы совещания по психологии, 1У55. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957.
4. Гальперин П.Я. К учению об интериоризации //Вопр.психол. 1966, N6.
- 5.Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М:ТриволаД995.
- 6.Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М.: Изд-во МГУ ,1982.
7. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М.:Педагогика, 1972.
- 8.Давыдов В.В., Зинченко В.П. Вклад Л.С.Выготского в развитие психологической науки //Сов.педагогика, 1986, N11.
9. Дормашев Ю.Н., Романов В.Я. Психология внимания. М.:Тривола, 1995.
- 10.Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- 11.Зинченко В.П. Идеи Л.С.Выготского о единицах анализа психики //Психол. журн., 1981, N2.
- 12.Зинченко В.П. Проблемы психологии развития (Читая О.Мандельштама) //Вопр.психол. 1991, NN4,5,6; 1992, NN 3-4, 5-6.
13. Зинченко В.П. Системный анализ в психологии? (Развернутый комментарий к Тезисам А.Н.Леонтьева, или Опыт психологической интерпретации в науке) //Психол.журн., 1991, N4.
- 14.Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста //Вести. МГУ. Серия XIV. Психология, 1993, N2.
- 15.Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации //Вопр.психол. 1993, N4.
16. Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. М.Лривола, 1995.
- 17.Зинченко В.П. М.Мамардашвили открывает Декарта психологам //Встреча с Декартом./ Под ред. В.А.Кругликова и Ю.П.Сенокосова. М.:Ad Marginum, 1996. с.269-299.
- 18.Зинченко В.П. Мир образования и/или образование мира //Мир образования, 1996, N 3.
- 19.Зинченко В.П. Внешняя и внутренняя формы. Проблемы их трансформации и обратимости //Мир образования, 1996, N4.